

На правах рукописи

ЛАБУНЕЦ Наталья Вадимовна

**РУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург

2007

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
ГОУ ВПО «Уральский государственный
университет им. А.М.Горького»

Научный консультант:

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор
Матвеев Александр Константинович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор

Куркина Любовь Викторовна

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН

доктор филологических наук, профессор

Полякова Елена Николаевна

ГОУ ВПО «Пермский государственный университет им. А.М.Горького»

доктор филологических наук, профессор

Голомидова Марина Васильевна

ГОУ ВПО «Уральский институт социального образования»,

филиал Российского государственного социального университета

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится _____ 2007 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького». 620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, д.51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Автореферат разослан _____ 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М.А. Литовская

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена изучению русской народной географической терминологии, формирующейся и развивающейся в ситуации языкового контакта. Результатом исследования стало воссоздание историко-контактологической картины бытования тематической (идеографической) группы, отражающей как диахронические, так и синхронические процессы языкового взаимодействия.

Актуальность исследования заключается в том, что до сих пор в кругу лингвистических проблем языковое взаимодействие остается в числе приоритетных, несмотря на стремительно возрастающее число контактологических работ, посвященных различным аспектам межъязыковой коммуникации. Причиной такого интереса является не только осознание этнической составляющей в вербальной репрезентации культурных смыслов. Актуальными продолжают оставаться классические вопросы русской лингвистики: эволюция языкового строя, отдельных его подсистем, соотношение внутренних и внешних факторов, обуславливающих конвергентно-дивергентный характер развития языка, и др.

Результаты длительных межэтнических контактов, протекающих в условиях конкретного региона, находят отражение в различных языковых формах и, прежде всего - в территориальных диалектах, «консервирующих» иноязычные вхождения. В этой связи вновь актуальным становится историко-контактологическое исследование идеографической, этимологической, функциональной специфики отдельных лексических групп, участвующих в языковом взаимодействии.

Изучение языкового контактирования, всегда ретроспективное, направлено на реконструкцию предшествующих лингвоэтнических состояний, на поиск методик, объективирующих полученные результаты. Источником русской исторической контактологии становятся не только современные говоры, сохранившие в своей структуре элементы как эндоглосного, так и экзоглосного характера. Важнейшим источником

должна стать и русская речь нерусских – этнолекты, позволяющие непосредственно проследить процесс столкновения разноязычных стихий.

Достоверность интерпретаций контактологического плана во многом зависит от специфики исследуемого материала, который должен соответствовать определенным параметрам: 1) максимально сохранять исходный фонетический облик, репрезентируемый в соотносительных вариантах слова, 2) содержать архаичные модели словопроизводства, 3) быть массовым, повторяющимся, 4) быть семантически мотивированным, 5) иметь локальную привязку, б) быть соотносительным с экстралингвистическими факторами региональной истории и географии. В русских говорах такими качествами обладает народная географическая терминология, развивающаяся в сопряжении с топонимией соответствующей территории.

Народная географическая терминология, в семантике которой закрепляется практика освоения окружающего пространства, занимает ключевые позиции в разработке проблем этнодиалектного контактирования в условиях конкретного региона. Таким регионом в предлагаемом исследовании является Тюменская область. Учитывая ее крайневосточное положение в Славии конца XVI – начала XVII вв., характер и направления русской колонизации Сибири, Тюменскую область априорно можно отнести как к зонам, где до сих сохраняются архаичные явления – исконно русские и заимствованные, так и к зонам, где в условиях языкового пограничья продолжают развиваться локальные инновации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки теории языкового взаимодействия, вопросов, связанных с проблематикой лексических заимствований, генетической идентификации «своего» и «чужого» в языковом пространстве региона. Обращение к историко-контактологической теме продиктовано не только стремлением реконструировать этапы развития региональной ситуации языкового контакта, выявить особенности русского заселения территории в контексте

современных и исторически воссоздаваемых лингвоэтнических отношений, но и спецификой самого объекта исследования – народной географической терминологии, уникальной лексической группы, исчезающей из живой речи в условиях активного недропользования, сопровождающегося ускоренным развитием западносибирского нефтегазодобывающего комплекса. Вместе с тем становится все более очевидно, что «уточнить детали языковой эволюции» невозможно без привлечения нового диалектного материала, без разработки специальных методов его направленного поиска (А.К.Матвеев). В ситуации спорности и неоднозначности трактовки лингво- и этногенетических вопросов ценность такого материала возрастает. Все это свидетельствует об актуальности не только теоретического, но и практического аспекта предпринятого исследования.

Актуальность настоящего исследования состоит, таким образом, в том, что оно, во-первых, позволяет расширить лингвистические знания о диалектных терминологических системах, во-вторых, создает возможность для разработки новых подходов к решению вопросов языкового взаимодействия.

Научная новизна данной работы определяется тем, что впервые:

1) представлено теоретическое обоснование необходимости автономной разработки историко-контактологического направления в русской диалектологии;

2) проводится комплексное, интегративное, исследование народной географической терминологии как манифестанта региональной ситуации языкового контакта;

3) на тюменском материале реализованы принципы историко-контактологического анализа, позволившего не только выявить идеографическую, историко-диалектологическую, этимологическую специфику архаичных языковых фактов, впервые вводимых в научный оборот, но и по-новому интерпретировать материалы, уже описанные в науке;

4) осуществлен опыт лексикографического описания тюменской географической терминологии как фрагмента старожильского лексикона.

Объектом исследования данной работы стало языковое контактирование русских и иноязычных географических терминов в диалектных условиях.

Непосредственным **предметом** исследования послужила русская народная географическая терминология тюменских старожильческих говоров, развивающихся в ситуации длительного взаимодействия с тюркскими (тоболо-иртышскими) и обско-угорскими (хантыйскими) диалектами.

Цель и задачи. В работе с позиций эволютивного направления актуализируется историко-контактологический подход, дающий возможность комплексно решать проблемы реконструкции предшествующих языковых состояний, вопросы функционирования геотерминологических систем в их синхронии и диахронии. Идея интегративного описания народной географической терминологии позволила не только выявить результаты исторического контактирования, но и увидеть тенденции и направления дальнейшего развития региональной ситуации языкового контакта.

Целью работы является установление историко-контактологической специфики тюменской географической терминологии, функционирующей в ситуации лингвоэтнического взаимодействия.

Цель работы предопределила постановку следующих *задач*:

- описать особенности региональной ситуации языкового контакта, в которой формировалась и развивалась русская народная географическая терминология;
- выявить идеографическое своеобразие тюменской географической терминологии;
- определить диалектную основу тюменской географической терминологии;

- представить в эндоглоссии стратификацию исконно русской географической терминологии с позиций этимологического анализа;
- представить в экзоглоссии стратификацию заимствованной географической терминологии с позиций этимологического анализа;
- установить пути интегрирования иноязычной географической терминологии в систему русской и способы инкорпорирования русской географической терминологии в систему иноязычной в условиях языкового пограничья;
- проследить за спецификой складывания общерегионального геотерминологического фонда.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русская народная географическая терминология, отражающая процессы лингвоэтнического взаимодействия, является вербальным манифестантом ситуации языкового контакта. «Русский ракурс» освещения региональной ситуации «раздвигает» границы этнического языка, что способствует включению в русское пространство географических терминов, бытующих не только в русских старожильческих говорах, но и в русских этнолектах (в русской речи западносибирских татар и обских угров).

2. Русская народная географическая терминология тюменского региона имеет ярко выраженный севернорусский характер, хотя в ее составе встречаются факты, соотносящиеся со среднерусскими и южнорусскими говорами. Ядро исконно русской группы тюменских геотерминов, являющееся славяно-русским (праславянским) по происхождению, развивается в направлении общерусских тенденций.

3. Русская народная географическая терминология сибирской территории включает в свой состав генетически и хронологически неоднородные страты – исконно русский и заимствованный, сосуществование которых обусловлено разнонаправленными тенденциями: сохранением исконного фонда и заимствованием новых слов в досибирский и сибирский периоды.

4. Идеографическое своеобразие тюменской геотерминологии заключается в наличии сопряженно развивающихся, но аксиологически противопоставленных исконно русской и заимствованной систем: и в той, и в другой закрепляется классификация опыта освоения географического пространства, при этом скрытым классификатором выступает оппозиция «свое» – «чужое», «освоенное» – «неосвоенное».

5. Реализация интегративного подхода к исследованию региональной геотерминологии выявила, что на всем протяжении развития ситуации национально-русского взаимодействия доминирующим в составе русской народной географической терминологии остается эндемический пласт. Хотя в процессе «живого» контактирования в его состав были интегрированы иноязычные включения, но в адаптированной форме заимствования уже не противоречили глубинным структурам исконного языка, приобретая признаки «своезычности».

6. Русская географическая терминология как историко-контактологическая категория закономерно отражает диапазон конвергентно-дивергентных изменений, присущих тюменскому языковому пограничью. Унифицирующее воздействие русского компонента способствует интернизации, нарастанию общих свойств в геотерминологических подсистемах контактирующих диалектов и этнолектов.

Источники и материалы. Источниковую базу исследования составили, во-первых, материалы полевых экспедиций, во-вторых, письменные свидетельства XVII – XXI вв.

Сбор полевого материала осуществлялся автором в течение более чем двух десятилетий. Основным источником исследования стала живая речь сибирских крестьян-старожилов, носителей окающего говора севернорусского типа, проживающих более чем в 200 сельских населенных пунктах 22 районов Тюменской области. В контактологических целях нами также изучалась русская речь сибирских (тоболо-иртышских) татар,

проживающих в 18 дд. Аромашевского, Вагайского, Нижне-Тавдинского, Ярковского районов.

Значительная часть материала была извлечена автором из лексических картотек Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания), начало которой было положено А.К.Матвеевым в 1960 г.; а также из картотеки и текстотеки Тюменского государственного университета (кафедра общего языкознания), которые стали формироваться под руководством М.А.Романовой с середины 50-х гг. XX в.

Полевой материал, положенный в основу исследования, включает более 40 000 тыс. единиц хранения. Важнейшая его часть вошла в состав Словаря народных географических терминов Тюменской области, составленного автором [Лабунец 2003].

Общий объем зафиксированных в старожильческих говорах Тюменской области геотерминов составляет около 1150 словарных единиц, из них 1118 описаны в словарных статьях (686 прямых и 332 отсылочных), включающих почти 2500 контекстов. Вне контекстов представлено 88 терминов, изъятых из научных публикаций по теме исследования или из лексической картотеки Тюменского государственного университета (50-х – 70-х гг. XX в.).

Другим важным источником настоящего исследования стали *данные региональной письменности*. Решение историко-контактологических вопросов, в частности, вопроса об истории взаимодействия тюркских и обско-угорских диалектов с русскими старожильческими говорами, не может быть успешным без привлечения широкого круга исторических текстов. В этой связи в качестве дополнительного источника использовались архивные материалы, а также опубликованные работы краеведческого характера. Среди письменных источников особое внимание было обращено на историко-лексикографические и топографические.

К числу важнейших топографических источников, использующихся в нашем исследовании, относятся архивные документы XVII – начала XX вв. (межевые дела, топографические описания, геодезические съемки «с

исчислением земель», рукописные карты и др.), хранящиеся в 9 исторических фондах: РГАДА (Российский государственный архив древних актов. Ф 214 «Сибирский приказ»), ГАТО (Государственный архив Тюменской области. Ф И-47 «Тюменская воеводская канцелярия». 1659 – 1717 гг., Ф И-48 «Курганско-Ялуторовская поземельно-устроительная партия». 1732 – 1919 гг., Ф И-49 «Тюменско-Туринская поземельно-устроительная партия». 1807 – 1919 гг., Ф 903, Ф 253), ТФ ГАТО (Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Ф 154, Ф 70), ГАОО (Государственный архив Омской области Ф 86 «Западно-Сибирский отдел Российского географического общества»).

Исследователи, изучая диалектную ситуацию последней четверти XX в., констатируют, что современные говоры не содержат всего набора важнейших структурных признаков диалекта предшествующих периодов. В этой связи важнейшей становится проблема реконструкции на базе топонимов (микротопонимов) утраченных в живой речи народных географических терминов. Использование в настоящем исследовании реконструктивных методик позволило выявить еще 56 терминов, у 89 – уточнить значение.

Всего, таким образом, в работе анализируется более 1200 народных географических терминов.

Выбор материала и источников исследования обусловлен тем, что народная географическая терминология тюменского региона специальному изучению еще не подвергалась. Между тем она характеризуется высокой сохранностью архаичных форм, а также широкими возможностями для наблюдения за развитием локальных инноваций, что объясняется историческими и историко-лингвистическими причинами.

Теоретической основой работы послужили разноплановые исследования. В их числе труды по теории и истории языка, по сравнительно-историческому, сравнительно-сопоставительному языкознанию: С.Б.Бернштейна, И.А.Бодуэна де Куртенэ, К.Бюлера, К.В.Горшковой,

В.Г.Демьянова, В.М.Живова, В.К.Журавлева, Б.А.Ларина, Т.М.Николаевой, Г.Пауля, Н.С.Трубецкого, Ф.П.Филина, Г.А.Хабургаева, П.Я.Черных и др.; по теории языковых контактов и билингвологии: Й.Айдуковича, О.С.Ахмановой, Э.М.Ахунзянова, А.Н.Баскакова, Е.Э.Биржаковой, В.А.Богородицкого, Р.А.Будагова, У.Вайнраха, Б.Гавранека, А.А.Дарбеевой, Ю.А.Жлуктенко, В.В.Иванова, Л.А.Ильиной, Т.П.Ильяшенко, М.И.Исаева, А.Е. Карлинского, Г.А.Климова, Л.П. Крысина, А.Мартине, А.К.Матвеева, И.И.Муллонен, В.П.Нерознака, В.М.Панькина, Е.Д.Поливанова, В.Ю.Розенцвейга, Ф.П.Филина, Э.Хаугена, Л.В.Щербы, В.Н.Ярцевой и др.; по социалингвистике: Л.П.Крысина, М.Н.Губогло, Ю.Д.Дешериева, З.А.Исхаковой, Г.П.Нещименко, Л.Б.Никольского, Т.В.Степанова, А.Д.Швейцера, М.Юсслера и др.; по этнолингвистике Е.Л.Березович, Т.И.Вендиной, А.С.Герда, Н.И.Толстого, С.М.Толстой и т.д.

Важнейшей областью исследования стала этимология. Происхождение исконных и заимствованных географических терминов изучалось с опорой на работы славистов, тюркологов и финно-угроведов: А.Е.Аникина, Х.Ч.Алишиной, Г.Ф.Ахатова, Л.З.Будагова, Т.Н.Бухаревой, Ж.Ж.Варбот, О.В.Вострикова, И.Гиганова, Т.Н. Дмитриевой, И.Г.Добродомова, М.А.Кастрена, Л.В.Куркиной, А.К.Матвеева, И.И.Муллонен, М.Т.Муминова, С.А.Мызникова, С.И.Ольгович, Ю.В.Откупщикова, Г.Л.Панина, И.П.Петлевой, Е.Н.Поляковой, В.В.Радлова, М.Э.Рут, Э.В.Севортяна, Н.И.Терешкина, О.А.Теуш, Н.И.Толстого, О.Н.Трубачева, Д.Г.Тумашевой, П.Хайду, Б.Я.Шарифуллина, Л.И.Шелеповой, А.М.Щербака, К.Ф. Karjalainen, H. Raasonens, R. Radomski , W. Steinitz и др.

Методологическую базу работы составил комплекс взаимодополняющих подходов к исследованию историко-контактологической специфики региональной геотерминологии. Основными методами, применяемыми в работе, являются: метод научного описания, структурной и идеографической классификации, стратиграфический, метод этимологического анализа, использовались также элементы

лингвогеографического, статистического и социолингвистического методов, применялись приемы реконструкции, моделирования, этноязыковой идентификации. При составлении «Словаря народных географических терминов Тюменской области» применялся метод лексикографического описания языковых единиц.

Теоретическая значимость работы. Результаты исследования, проводимого на диалектной базе, значимы для теории и практики контактологии, сравнительно-сопоставительного, сравнительно-исторического языкознания, этимологии, лексикологии, сибирской диалектологии, исторической социолингвистики. Перспективность исследования проблемы «иноязычного наследия» не ограничивается рамками русистики: этнолингвистический, этнокультурный, этноконтактный потенциал русского слова оказывается весьма важным источником в познании «языковых пограничий» и для тюркологии, и для финно-угроведения.

Практическое использование результатов исследования определяется возможностью применения его материалов и выводов для дальнейшего изучения географической лексики, функционирующей в ситуации языкового контакта на всей сибирской территории. Представленные материалы могут быть использованы в топонимических разысканиях при этимологической интерпретации географических названий, претерпевших иноязычное воздействие; в лексикографической практике при составлении разноаспектных словарей говоров не только русского, но и татарского, хантыйского языков.

Основные положения работы, а также материалы исследования, вошедшие в «Словарь народных географических терминов Тюменской области», были задействованы в спецкурсах «Лингвистическое краеведение», «Субстратная топонимия», «Историческая лексикология русского языка», «Актуальные проблемы диалектной лексикологии», прочитанных в Тюменском государственном университете; результаты исследования нашли

отражение в практической деятельности Топонимической комиссии (при администрации г. Тюмени), членом которой соискатель является с 1999 г.

Практическая ценность контактологического исследования заключается также в его прагматической направленности. Проблематика регионального контактирования, рассматриваемая в аспекте «повседневного языкового существования», непосредственно обращена в педагогическую сферу. Углубленное изучение историко-контактологических вопросов необходимо студенту, профессиональная деятельность которого в дальнейшем будет осуществляться в регионе, где исторически складывается сложная этноязыковая ситуация, где проблемы межэтнической коммуникации приобретают особую актуальность. Антитеза «свой – чужой», относящаяся к константам человеческой культуры, в плане народной географической терминологии находит новое воплощение.

Навыки научного освоения «чужого слова» послужат для обучающихся своеобразной моделью и в повседневном общении для интернизации ментальных образов «других», для формирования толерантных отношений в ситуации языкового пограничья. В дальнейшем познание «чужого» сквозь призму «своего» в полиэтничном социуме неизменно будет способствовать выстраиванию адекватных моделей «вербального поведения», осмыслению лингвоэтнической истории региона как целостности в контексте ощущения общности территории, языка, культуры.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета. Основные положения работы были изложены автором в 51 докладе, в том числе на международных (Фрунзе 1986, Москва 2004, 2006, 2006, Санкт-Петербург 2001, 2002, 2003, Казань 2004, Екатеринбург 2001, 2005, 2005, Тюмень 1996, 2000, 2001, 2002, 2002, 2005, Тобольск 2005, 2007), всероссийских (Санкт-Петербург 1992, Екатеринбург 2001, Пермь 2000, Тюмень 1998, 2001, 2002, 2003, 2003, 2003, 2004, 2004, 2004, 2005, 2005, 2006, 2006, 2006, 2007, 2007), региональных (Тюмень 2001, 2002, 2003, 2003,

2004, 2005), областных, зональных (Тюмень 1986, 1995, 1995, 1999, 2003) и др. научных конференциях и совещаниях (Екатеринбург 1999, Тюмень, 2005).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключение, Списка использованной литературы, Списка сокращений, Словаря народной географической терминологии Тюменской области, Карт.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическое и практическое значение, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, дается общая характеристика региона исследования, описываются источники и материал, способы его реконструкции, методы изучения.

Первая глава «Географическая терминология в историко-контактологическом освещении» состоит из трех разделов, в которых анализируются теоретические вопросы, предваряющие практический анализ, представленный в последующих главах.

В первом разделе **«Историко-контактологическая проблематика современной русистики»** рассматриваются аспекты изучения проблем языкового взаимодействия. В частности, отмечается, что в современной лингвистике, опирающейся на достижения теории языковых контактов, а также на эмпирическую базу практических изысканий в области лингвоэтнического взаимодействия, продолжает оставаться актуальным тезис о каузальной значимости контактообусловленных явлений, хотя соотношение внутренних и внешних факторов в процессе развития языка изучено, несмотря на давние традиции, далеко не достаточно.

Многообразие вопросов, заставляющих учитывать закономерности внутренней и внешней истории языка в контексте внутренних и внешних языковых факторов, обширный круг источников, охватывающих явления

самого широкого характера, поиск новых интегративных методологий в решении классических задач актуализировали вычленение в языковедческой науке специальной отрасли: лингвистической контактологии. Объектом лингвистической контактологии становится описание взаимоотношений между языками в пространстве, результатов контактирования языков на широком культурно-историческом фоне.

Современная теория взаимодействия языков, сформированная трудами В.А.Богородицкого, У.Вайнрайха, Б.В.Горнунга, О.Есперсена, А.Мартине, Е.Д.Поливанова, Э.Хаугена, Л.В.Щербы и др., продолжает развиваться в системе различных лингвоконтактологических направлений. Так, сербский русист Й.Айдукович, разрабатывая проблематику лексической контактологии на материале заимствований из русского литературного языка, обосновывает идею существования собственно контактологического уровня языка, единицами которого являются контактемы. В этой связи Й.Айдукович предлагает различать два аспекта анализа контактем-заимствований: первый представляет собой этимологический анализ, цель которого – установить язык-источник непосредственного заимствования, второй является собственно контактологическим, где выявляется судьба контактемы в принимающем языке. Контакттологическая характеристика слова, считает исследователь, должна учитывать прежде всего социолингвистические параметры, при этом сугубо лингвистические факты представляют собой отнюдь не важнейший элемент [Айдукович 2003].

В отечественной русистике лингвистическая контактология находит свое воплощение в ряде теоретических работ. Языковое взаимодействие с привлечением самого разнообразного материала рассматривается в рамках различных контактологических концепций с широкой исследовательской проблематикой. Значительное число исследований развивается в русле билингвологии, социолингвистики, когнитивистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и др.

Несмотря на широкий охват контактологических проблем в русле современных направлений, продолжает оставаться актуальной разработка традиционных вопросов сравнительно-исторического языкознания, которые условно можно обозначить как эволютивные. Работы подобного плана ориентированы на изучение истории формирования контактологических явлений, этимологии лексических фактов. Важным является изучение общих тенденций языкового взаимодействия, закономерностей и универсальных моделей контактирования, их инвариантов и вариантов в спонтанно протекающих этноязыковых процессах.

От эффективности контактологических исследований во многом зависит дальнейшее развитие русистики в целом, поскольку многие явления русского языка, как древнейшие, так и новые, в своей основе контактоиндуцированы, обусловлены длительным лингвоэтническим взаимодействием, следовательно, могут быть интерпретированы с позиций теории языкового взаимодействия. Лингвистами не раз уже отмечалось, что образование новых контактообусловленных языковых единиц может быть с достаточной достоверностью прослежено только на уровне диалектов. В этой связи закономерно, что особую актуальность эволютивный подход приобретает в диалектных исследованиях, где, прежде чем переходить к контрастивным, психолингвистическим, социокультурным измерениям и обобщениям, требуется надежно атрибутировать источники вхождения, установить историю развития слова.

Анализ современного состояния контактологических исследований, позволил авторам Контактологического словаря указать на две взаимосвязанные проблемы, стоящие перед русской лингвистической контактологией: 1) совершенствование контактологической теории; 2) развертывание региональных исследований, направленных на изучение в диахроническом и синхроническом планах процесса взаимодействия русского национального языка с языками различных этнокультурных

общностей, находящихся в непосредственном сопряжении с русской языковой стихией [КЭС 1994: 23].

Однако важнейшим аспектом контактологии, утверждает А.К.Матвеев, остается изучение конкретного материала, ибо только на пути изучения конкретного материала могут быть открыты принципиально новые факты, выявлены «детали языковой эволюции», осмысление которых в контексте языковой истории и будет способствовать решению теоретических проблем лингвистической контактологии.

Признавая безусловную правоту высказанных положений, а также опираясь на тезис «контактологической конкретности» в условиях, когда контактологические понятия и термины не только не унифицированы, но и получают иногда противоречивые толкования, лингвисты основное внимание уделяют разработке тех направлений, которые ставят своей целью изучение контактообусловленных процессов в живой народно-разговорной речи.

В последнее время в русской лингвистике наметилась тенденция изучения явлений языкового взаимодействия с позиций исторической лингвоконтактологии. Основным объектом новой отрасли лингвистического знания, считает В.В.Иванов, должна стать (с учетом ареально хронологического варьирования живого народно-разговорного языка) история взаимодействия русских диалектов с иноязычными. На уровне народно-разговорной речи контактные явления всегда территориально обусловлены: реально взаимодействующими оказываются региональные разновидности языка, присущие локально приуроченным этническим и этнографическим группам. Внимание исследователей, таким образом, сосредоточивается на том факте, что в реальности во взаимодействие вступают не языки, а диалекты и говоры, являющиеся средством общения населения исторически сложившегося региона или контактной зоны.

Постулируя идею наибольшей проницаемости лексического уровня, А.К.Матвеев основное внимание сосредоточивает на периферийных категориях, считая их особенно информативными в историко-

контактологическом отношении. Основная роль при этом отводится географической терминологии и топонимии с их «консервативностью, устойчивостью, обособленностью в языке» [Матвеев 2004: 12].

Идея контактологической значимости геотерминологического и топонимического материала находит отражение в работах А.Е.Аникина, Т.Н.Дмитриевой, Л.В.Куркиной, Л.П.Михайловой, И.И.Муллонен, С.А.Мызникова, Н.Г.Панина, Е.Н.Поляковой, Н.И.Толстого, А.И.Федорова и др. Особую значимость в этой связи исследователи видят в совершенствовании методик этимологического анализа. Одна из основных задач в изучении сибирского материала, подчеркивает А.Е.Аникин, «заключается в описании фонда апеллятивов, заимствованных в русские говоры из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» [Аникин 2000: 8]. В свою очередь решение проблем сибирской этимологии «гарантирует постановку и решение таких задач, как выявление изоглосс, связующих какие-то части языковых ареалов, уточнение локуса заимствования (его моно- или полицентризм), диалектной принадлежности источника заимствования, реконструкции утраченного этимона и др.» [Аникин 2000: 40].

Важнейшей контактологической проблемой исследователи считают не только проблему выявления субстрата и заимствования в их этимологической интерпретации, но и более широкую проблему идентификации «своего» и «чужого: для исторической лингвистики «актуально выявление «чужого» в «своем» и «своего» в «чужом», а также объяснение того, как произошло это взаимопроникновение» [Матвеев 2004: 13].

В условиях конкретного региона, с учетом сказанного выше, изучение языкового взаимодействия логично ограничить рамками *исторической контактологии*, базирующейся на диалектном материале, интерпретация которого осуществляется с позиций исторического языкознания, включающего описательный, лексикографический, идеографический,

историко-этимологический, социолингвистический и др. аспекты анализа. Предметом историко-контактологического изучения, предпринятого в настоящей работе, и стали диалектные факты, рассматриваемые в их эволюции, в единстве синхронного и диахронного подходов с использованием интегративного метода и целостного представления процесса, осуществляющегося в условиях региональной ситуации языкового контакта.

Второй раздел первой главы **«Языковой контакт: типология, структура, ситуация»** ставит своей целью рассмотрение центрального понятия теории языкового взаимодействия с позиций исторической контактологии.

В понимании природы языкового контакта, а также факторов, лежащих в основе классификаций его типов, существует определенный разброс мнений. Языковой контакт рассматривается в различных аспектах: в широком и в узком смысле, как родовое (то есть как обозначение любого вида межъязыковой связи) и как видовое понятие, то есть в ситуации двуязычия; с позиций генетического и функционального подходов, когда исследуются дивергентно-конвергентные процессы переустройства языка; с позиций исторической лингвистики (в работах сравнительно-исторического содержания, ареального характера и др.) и синхронической социолингвистики [Дарбеева 1984: 7].

В аспекте исторической контактологии целесообразно рассматривать языковой контакт как устное речевое общение двух (многих) сопредельных коренных этносов (этнических групп), являющееся следствием интенсивных лингвоэтнических, бытовых, хозяйственных и др. отношений. В реальности, когда осуществляется взаимодействие этнических групп, языковой контакт проявляется как речевой, диалектный (этноречевой, этнодиалектный), складывающийся и развивающийся под влиянием целого ряда факторов лингвистического и внелингвистического характера. Традиционно принято всю область взаимодействия – речь в синхронии, язык в диахронии –

обозначать как «языковой контакт». При таком понимании языкового контакта, подчеркивает А.Е.Карлинский, практически всегда – идет ли речь о синхронии или диахронии - мы имеем дело с результатом языкового взаимодействия, проявляющемся, хотя и в разной мере, на всех языковых уровнях [Карлинский 1990: 27].

Исследование типологии языкового контактирования осуществляется с позиций выделения основных его параметров: 1) способ установления контакта (прямой или косвенный), 2) длительность и устойчивость контакта (каузальный или перманентный), 3) характер ситуации общения (естественный или искусственный), 4) степень участия в нем членов языкового сообщества и территориальное размещение последних (внешнее контактирование отдельных членов, размещенных на смежных территориях, или внутрирегиональное контактирование между языковыми сообществами при проживании носителей разных языков на одной территории), 5) генетическая и структурная близость, б) последствия языкового контактирования в обоих языках (контакт при одно- или двустороннем воздействии) [Гальчук 1997, Панченко 2003].

Обозначенные параметры не исчерпывают всего многообразия языкового контактирования. Типы контактирования различаются, например, по степени участия ярусов языковой системы, по степени языкового взаимопроникновения, в этом случае выявляют преобразовательное воздействие, а также скрещивание (когда возникает языковой союз) и языковое слияние (когда возникает новый язык) [ОЯ 1970: 286].

При вычленении параметров контактологического исследования, кроме перечисленных выше, необходимо учитывать характер протекания языкового взаимодействия, его интенсивность, направление движения языковых единиц внутри контактного поля. В этом случае привлечение процессуальных характеристик как в синхронии, так и в диахронии позволит говорить о структуре языкового контакта, реализующегося в той или иной конкретной ситуации. Актуализация структурных параметров дает возможность

вычленив сегменты поля языкового контакта, обусловленные отношениями монолингвов и билингвов, проявляющимися в конкретной речевой деятельности этнокоммуникантов.

Исторические источники свидетельствуют, что русские старожилы едва ли не на всем протяжении западносибирской истории в своем большинстве оставались монолингвами, в то время как контактирующие с ними аборигенные народы – билингвами. Тем не менее очевидно, что языковая ситуация на всем протяжении ее развития не могла оставаться неизменной, поэтому следует предположить, что языковой контакт, рассматриваемый с процессуальной точки зрения, в своей структуре имеет несколько хронологически обусловленных микросистем, или контактных микрополей.

Для русских монолингвов контактирование осуществлялось в процессе заимствования, когда в язык-реципиент проникали отдельные, главным образом лексические, элементы. При этом поле заимствования для русских монолингвов в отдельные периоды исторического развития могло расширяться или сужаться в зависимости от того, как проходил процесс интегрирования заимствований в исконные системы языка. Процесс заимствования для русских говоров, разумеется, не был однозначным и однонаправленным на протяжении их формирования и развития. Укажем лишь на то, что, судя по архивным документам, русские, вступавшие в контакт с «иногородцами», в пассивной форме владели контактирующим языком сопредельного этноса. Несмотря на сложности русско-национального взаимодействия, в отношении языков сибирских автохтонов складывалась совершенно иная ситуация.

Для аборигенов-билингвов языковое контактирование осуществлялось, особенно в первоначальный его период, в поле интерференции и интеркаляции в процессе инкорпорирования лексических единиц. Идея интеркаляции получила серьезную разработку в исследованиях А.Е.Карлинского, когда с позиций направленности контактных движений

различают не только интерференцию (изменения во вторичном языке билингва под влиянием первичного), но и интеркаляцию (изменения в первичном языке билингва под влиянием вторичного) [Карлинский 1990].

В отличие от интерференции, где, в динамике изучаемой ситуации, осуществляется влияние на русские говоры иноязычных (в системе рассматриваемого далее материала - хантыйских и тюркских), интеркаляция представляет собой противоположно направленный процесс, когда под влиянием русских говоров происходят изменения в родной речи билингва – хантыйской или тюркской. На лексическом уровне интеркаляция представляет собой, отмечает А.Е.Карлинский вслед за И.Эпштейном, «вооруженное вклинивание одного языка в другой» [Карлинский 1990: 127]. В определенных условиях язык, первоначально являвшийся донором, выступает в качестве реципиента, причем количество вхождений в язык-реципиент в какой-то момент, когда усиливается проницаемость лексического уровня, начинает резко возрастать.

Как в пространстве, так и во времени представленная выше сегментация контактного поля (заимствование, интерференция, интеркаляция), имеющего регионально обусловленный характер, не может быть признана в качестве однозначного репрезентанта взаимоотношений монолингвов и билингвов. Структура поля претерпевает различные изменения в зависимости от ситуации языкового контакта, развивающейся в контексте реальных лингвистических и экстралингвистических факторов. Складывание, например, региональной этноязыковой общности ведет к размыванию границ между монолингвистическим и билингвистическим сегментами. На уровне контактологической репрезентации этот процесс способствует созданию в обоих языках трансферентных сегментов, на базе которых – в результате языкового скрещивания - впоследствии может складываться общий региональный лексический фонд.

Среди других аспектов историко-контактологического исследования важнейшим представляется тот, который связан с языковой ситуацией (ЯС),

поскольку языковой контакт всегда проявляется через ЯС, обусловленную собственно языковыми, этнокультурными и др. факторами. Рассмотрение контактологических вопросов в контексте ЯС неизбежно выводит исследование в плоскость социолингвистики. На значимость социолингвистического подхода при изучении диалектного материала указывает А.М.Молдован: «В последнее время актуальной стала проблематика диалектных контактов, функционирования диалектов в иноязычной среде или в зонах языкового пограничья, которая требует применения сравнительно новой для диалектологии социолингвистической методики» [Молдован 2004: 9].

Само понятие «языковая ситуация» является ключевым в социолингвистике, однако интерпретации его различны. Количественный аспект изучения позволяет выделить два типа ЯС: экзогlossную, в которой участвуют два и более языков, и эндогlossную, в которой функционируют подсистемы одного языка [Никольский 1976: 80, Швейцер 1998: 481]. В этом случае экзогlossная ЯС, сбалансированная или несбалансированная, и может быть осмыслена как «ситуация языкового контакта».

Стратификация контактного поля (количественные и одновременно качественные его характеристики), функционирующего в экзогlossной ЯС, базируется на языковых принципах. При взаимодействии языков в процессе заимствования, интерференции или интеркаляции лингвистическая идентификация осуществляется не только на основе генетического, но и функционального статуса той или иной единицы. В ситуации языкового контакта лексемы, генетически связанные с одним языком, в плане функционирования могут соотноситься с другим. Так, традиционный вопрос: что считать «русским» - русским по происхождению или русским по употреблению – в условиях би(поли)лингвизма приобретает особую значимость. В терминах социолингвистики данный вопрос трансформируется в вопрос о «границах» этнического языка (отдельных его подсистем), в данном случае – русского.

В последнее время решение поставленных вопросов осуществляется в рамках коммуникативного подхода к рассмотрению ЯС. В этом случае исследователи вводят ряд новых параметров, позволяющих рассматривать ЯС как двухуровневую организацию, включающую уровень коммуникации (речевого поведения) и уровень языка.

Наиболее отчетливо коммуникативная специфика проявляется в эндоглоссии. Эндоглоссная ЯС, по мнению Г.П.Нещименко, кроме языкового, включает коммуникативный континуум, который представляет собой бинарную, бицентрированную, систему, состоящую из двух автономных, тесно взаимодействующих подсистем: регулируемое – нерегулируемое (или с ослабленной регулируемостью) речевое поведение. Эти оппозиции и решают проблему дифференциации этнического языка в условиях эндоглоссии [Нещименко 2005: 77]. При коммуникативном подходе, таким образом, пространство этнического языка также рассматривается как бицентрированное, при этом дифференциация этнического языка и его границы будут высвечиваться в различных ракурсах – в зависимости от этнической доминанты пространства.

«Русский ракурс» освещения экзоглоссной ситуации национально-русского дву(много)язычия с позиции носителей / пользователей выявляет два сегмента коммуникативного пространства: русская речь русских (регулируемое речевое поведение) / русская речь нерусских (нерегулируемое речевое поведение). Первая проявляется через диалект, вторая – через этнолект.

ЯС базируется не только на собственно лингвистических, но и на экстралингвистических факторах, поэтому, кроме языкового и коммуникативного логично вычленять этнический континуум, служащий фундаментом ЯС. Однако в этом случае необходимо заметить, что коммуникативное и этническое пространства не симметричноположены (в отличие от коммуникативного и языкового), поэтому соответствие этнос – язык в реальности проявляется неоднозначно.

При коммуникативном подходе к исследованию ЯС русский сегмент получает расширительное толкование: в него включается не только русская речь русских, но и русская речь нерусских. Соответственно, раздвигаются «границы» этнического языка за счет включения в его состав русского этнолекта (или нациолекта), понимаемого, вслед за В.И.Беликовым и Л.П.Крысиным, как «говорение через интерференцию» [Беликов 2001: 22].

На плоскости вербальной этнокоммуникации, осуществляющейся в конкретных условиях, таким образом, выступают две системы языкового обеспечения, репрезентирующие регулируемое (или относительно регулируемое) и нерегулируемое речевое поведение носителей и пользователей русского языка: – тюменский старожильческий диалект (говор) и этнолект (татарский и хантыйский).

Использование временного параметра при исследовании ЯС обнаруживает на разных этапах региональной истории различную плотность языкового контактирования. Пространственно-временная координата ЯС позволяет увидеть сосуществование в контексте региона целого ряда микроситуаций – от экзогlossных до эндогlossных. В этой связи, характеризуя ситуацию языкового контакта в общерегиональном аспекте (как макроситуацию), следует говорить об эндогlossно-экзогlossной специфике ее проявления.

Обоснованность подобного подхода становится еще более очевидной, когда ЯС рассматривается в антропоцентрической парадигме современной лингвистики. В этом случае взгляд «изнутри» направлен на выявление функциональных возможностей той или иной речевой подсистемы, воспринимаемой носителями или пользователями сквозь призму категории этнооценочности: «свое в своем», «чужое в своем», «свое в чужом». Это и служит основанием для рассмотрения ситуации языкового контакта в двух взаимодополняющих ракурсах: интралингвальном и интерлингвальном.

При интралингвальном подходе значимым становится исследование результатов языкового взаимодействия - генетических стратов этнического

языка (в данном случае – русского), функционирующего в гомогенной этноязыковой общности. При интерлингвальном подходе актуализируется изучение контактологических процессов, механизмов межъязыковых взаимодействий, развивающихся в гетерогенном социуме.

Несмотря на принципиальную разграниченность интралингвального и интерлингвального аспектов, оказывается, что на практике они выступают в отношении дополнительного распределения: без учета интралингвального подхода к ситуации языкового контакта, без четкого представления об инвентаре форм существования этнического языка невозможно адекватно оценить ЯС в отношении взаимодействия данного этнического языка с другими, контактирующими. В то же время, «введение интерлингвальной координаты нередко оказывается необходимым и при исследовании ЯС моноэтнических образований. Дело в том, что существование этноса в условиях полной этноязыковой чистоты (т.е. при элиминировании интерлингвального аспекта) во многом является фактом проблематичным» [Нещименко 2003: 19].

Оперирование понятиями интралингвального и интерлингвального в отношении ЯС открывает различные возможности ее изучения. Так, включение временного параметра, актуализирующего эволютивный подход к рассмотрению ЯС, позволяет говорить о динамических процессах не только в диахронии, но и в синхронии. В отношении исследуемого материала можно выделить три структуры: две из них соотносятся с диахроническими, внутренними, процессами (исследование исконного и заимствованного пластов); третья – с синхроническими, внешними, процессами (исследование интерференции, сопровождающейся интеркаляционными проявлениями).

Вертикальная стратификация вербальной плоскости ЯС, таким образом, дифференцирует ситуации эндо- и экзоглоссии, в которых отражаются «следы» исторических процессов языкового контактирования, протекавших в прошлом. В этой связи в соответствии с предложенной понятийной категорией логично обозначить третью структуру как «ситуацию

интергlossии». Однако последнее обозначение – «ситуация интергlossии» - в терминологическом отношении проблематично, поскольку «интергlossия» - это не новая ЯС, возникшая в новых условиях. Это, скорее, историческое продолжение предыдущих, «старых», эндогlossно-экзогlossных отношений, преломляющихся на «новом» синхронном срезе. В исследовательской позиции такой подход предстает как горизонтальная стратификация вербальной плоскости ЯС. В отличие от вертикальной стратификации, когда отражаются результаты исторических контактов на лексической (терминологической) плоскости, горизонтальная стратификация демонстрирует характер протекания живых разнонаправленных процессов: интегрирования, инкорпорирования, интернизации.

В социолингвистическом аспекте неустойчивость многих параметров «интергlossии» заставляет говорить о языковом состоянии – «языковом пограничье», в котором лишь намечаются новые тенденции развития старой ЯС.

В третьем разделе первой главы **«Географическая терминология как манифестант ситуации языкового контакта»** речь идет о способах вербального выражения этноязыкового контактирования. Если синхроническая и диахроническая социолингвистика оперируют понятиями идиомного выражения языковой ситуации, то в историко-контактологическом отношении наиболее значимым оказывается лексический способ манифестации. И в этом смысле нельзя не согласиться с выводами Ш.Балли, который утверждал, что именно слова приводят нас к глубинным пластам языка [Балли 2003: 172].

Инвентарь вербальных манифестаций ситуации языкового контакта характеризуется широким спектром лексических образований – отдельных слов, лексических классов, лексических групп и т.д. В ряду гlossных проявлений языка географическая терминология занимает особое место, поскольку, обладая высокой степенью устойчивости, дает богатый историко-лингвистический материал для контактологических исследований.

Немаловажным является и то, что географическая терминология относится к периферийным сферам, потому что «преимущественной сферой лексических заимствований в языке ... оказываются более или менее периферийные категории лексики, например, отраслевая терминология, имена собственные» [ОЯ 1970: 291]. На это же указывает и А.К.Матвеев, говоря о том, что инновации, которые постепенно охватывают центральные зоны языка, обычно начинаются на периферии – в ономастической зоне или в ряду категорий слов, в функциональном плане близких к онимам.

Тематическое (идеографическое) описание, подчеркивал О.В.Востриков, особенно важно в тех случаях, когда речь идет о формировании словарного состава языка (говора), так как позволяет наиболее полно учитывать действующие в языке закономерности. Именно поэтому лексическая модель обладает большой объяснительной силой для этимологии [Востриков 1991: 5]. Можно констатировать, что тематический (идеографический) принцип важен для этимологии, исторической лексикологии, а значит, и для исторической контактологии, поскольку предполагает выявление таких «компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, т.е. обнаруживают прочные устойчивые связи» [Ларин 1977: 12].

На вербальной плоскости ситуации языкового контакта географическая терминология последовательно манифестирует диахронические и синхронические процессы языкового взаимодействия, поэтому в зоне «живого» контакта географической терминологии, в геотерминологии отчетливо проявляются все грани этнической составляющей ЯС.

Антропоцентрический подход, учитывающий дихотомию «свое – чужое», позволяет не только дифференцировать диалектно-этнолектные сегменты геотерминологического пространства с позиций этнооценочности, но и дает возможность увидеть внутрисегментные пространства как выстроенные по тем же этноцентрическим параметрам. В этом случае взгляд «изнутри», с позиций носителя русского языка, направлен на выявление

«своего» и «чужого» в составе географической терминологии, функционирующей в условиях и диалекта, и этнолекта.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о специфике географической терминологии как манифестанта ситуации языкового контакта. Географическая терминология не только отражает этническую, коммуникативную, языковую структуры ЯС в ее синхронии и диахронии. Географическая терминология, обладающая свойством консервации архаичных явлений, сама становится источником для реконструкции древнейших языковых прасостояний и языковых праситуаций.

В данном разделе работы с учетом историко-этнографических фактов реконструируется процесс становления и развития региональной ситуации языкового контакта, отдельных ее уровней – этнокоммуникативного и собственно языкового. История этнокоммуникативного уровня воссоздается на основе работ В.Васильева, М.А.Кастрена, Г.Ф.Миллера, С.К.Патканова, И.Юшкова, М.А.Ядринцева и др., описывающих речевое поведение этнокоммуникантов – иртышских остяков, тоболо-иртышских татар и русских старожилов относительно XVIII – XIX вв. В диахроническом аспекте рассматриваются параметры хантыйско-тюркского, хантыйско-русского, тюркско-русского двуязычия, а также хантыйско-татарско-русского многоязычия. Указывается, что в условиях активной коммуникации появляются группы с нечетной этнической дифференциацией, поэтому в регионе с интенсивным контактированием как одна из основных выступает проблема лингвоэтнической идентификации.

Сложные процессы этнокоммуникации, симметрично отражаясь на вербальном уровне языковой ситуации, манифестируются в системе народной географической терминологии. Ретроспективный анализ ситуаций лингвоэтнического контактирования на территории Тюменской области дает возможность увидеть весьма сложную историко-контактологическую картину, где русская географическая терминология исследуемого региона предстает как неоднозначная категория, являясь достоянием не только

русских говоров, но и русских этнолектов, и софункционирующих этнодиалектов – тюркских (и в ретроспекции – обско-угорских).

Вторая и третья главы – соответственно **«Русская географическая терминология в эндоглоссии»** и **«Русская географическая терминология в экзоглоссии»** - посвящены рассмотрению диахронического аспекта языкового контактирования в системе русских старожильческих говоров региона.

Основные разделы указанных глав - **«Исконно русская географическая терминология в пространстве тюменских старожильческих говоров»** и **«Заимствованная географическая терминология в пространстве тюменских старожильческих говоров»**. В первом случае с позиций интралингвального подхода в структуре русской географической терминологии, участвующей в языковом контакте, идентифицируется древнейший, исконный, фрагмент, выявляются основные направления и тенденции его развития. Во втором случае с позиций интерлингвального подхода исследуются результаты прямого контактирования, проявляющиеся в хронологически неоднородных геотерминологических заимствованиях.

В обеих главах параметры рассмотрения материала следующие: идеографическое описание, историко-диалектологический экскурс, этимологический анализ. Вторую главу предваряет раздел **«К проблеме идентификации исконных геотерминологических фондов»**. В условиях синхронического контактирования диахронические идентификации осложняются поиском «своего», исконного, в сплаве генетически разнородных элементов, «обобщающихся» в единое целое в ходе конвергентных преобразований. В этой связи актуализируется принцип гемуинности, позволяющий выявить исконные фонды в их эволюционном развитии. Ставится вопрос о «мнимых» заимствованиях, когда в результате игнорирования структурных составляющих ситуации языкового контакта

элиминируется категория «своего» в той или иной исследовательской позиции.

Третья глава предваряется разделом **«К проблеме стратификации контактных заимствований»**. В этом разделе идентифицируются досибирский и сибирский пласты заимствований, восходящие к финно-угро-самодийским и тюркским языкам.

Основное внимание в указанных главах уделено исследованию как исконно русского, так и заимствованного материала с позиций этимологического анализа. Подчеркивается, что этимологическая интерпретация предстает как процедура двупланового характера: в случае, когда речь идет о славяно-русской, корневой, лексике, этимологизация сводится к процедуре доказательства ее исконности, когда речь же идет о заимствованиях (древнейших унаследованных, «культурных» квазизаимствованиях, прямых контактных заимствованиях) – к процедуре поиска языка-источника.

При этимологической интерпретации акцент был сделан на анализе материала, который впервые вводится в научный оборот. В других случаях анализируются термины, для которых предлагается новая этимологическая версия. К числу первых относится *пага/паги*, рассматриваемое как исконно славянское, обнаруживающее прямые параллели с нижнелужицким *паги*; к числу заимствованных, впервые вводимых в научный оборот и получающих этимологическое обоснование, относятся *беликаз, коньрка, кочоб, марай, начибей, сартак, теньга*. Новая этимологическая интерпретация предложена для терминов *ирмак, лупча, казык, кармак, сор, уткарма, чагыт* и др.

Этимологический анализ выявил контаминационные процессы, сопровождающие развитие «географических слов», например, *коньрка*. Термин *коньрка, кыньрка* «небольшая речка, ручеек» для тюм. говоров реконструируется по топонимическим данным: *Каньрка, Кыньрка*, рр., прит. р. Тура (Тюм). В говорах сопредельного с Тюменским Тугулымского района Свердловской области зафиксирован термин *коньрка* «маленький ручеек,

родничок», ср.: *Жажда уж замучила, сил моих нет, да на радость коньрку увидала* [СРГСУ Д 1996: 246]. Следы (хотя и не очень ясные) лексического использования топонима в тюменских говорах сохраняются в контекстном употреблении: *Коньрка как ручеек, маленькая речка, значит, у деревни* (Тюм, Речкина).

Славянская версия этимологической интерпретации термина *коньрка* основана на данных словообразовательного анализа, в результате которого вычленяется архаичная приставка *ко(ка)-* и корень *-ныр-*. Приставка *ко(ка)-* широко известна на всей славянской территории. Не раз отмечалось, что «узкие регионализмы ... включают образования с архаичными приставками **ко-*, **ра-*» [Куркина 1981: 25], которые, считает Л.П.Михайлова, через идею движения развивают экспрессивно-оценочные оттенки [Михайлова 2004: 42].

Праслав. основа **-ныр-* известна во многих говорах славянской территории. Русские народные говоры демонстрируют широкий круг гидрографических номинаций, включающих в свой состав корни *-нор-* // *-нур-* // *-ныр-*, ср. новг. *ныркать* «опуститься, спрятаться внезапно в яму», *ныра*, *нырка* обозначает действие по глаголу [Даль II 1989: 561], арх. *конура* «яма на болоте» [СРНГ XIV: 271], перм. *нырок* «речка, ушедшая под землю» [Полякова 1988: 115], сиб. *норь* «омут, ямина под водой» [Даль II 1989: 554], в тюм. говорах *ныр*, *нырок* «выбоина, ухаб, яма», ср. *Нырки – ухабы раскатисты* (Тоб, Медведчикова). *Туда есть дорога, дак стоко нырков!* (Н-Тавд, Иска). *Нырковата дорога, вся в яминах, идешь, ныряшь* (Юрг, Дегтярева). *До чё ныркияшиа дорога – нырок на нырке* (Н-Тавд, Мияссы).

В севернорусских и сибирских говорах свидетельствуются многочисленные префиксальные формы типа: *отнорок* «боковая нора, боковые проходы», *подныр* «подлаз, куда входят ползком», *наныркнуть* «на что-то наплыть, наткнуться», *отныркнуть* «уклоняться, отвиливать, уходить в сторону», *отнырь* «всякий ход или лаз, лазейка в бок, в сторону», *заныр* «действие занырнувшего куда-то» [Даль I: 610, II: 561, 445, 742], краснояр. *конурка* «маленькая прорубь» [СРГС II 2001: 31]. Ср. также данные,

приводимые ЭССЯ: волог. *kanura* «глубокая яма в реке, яма на болоте», где **ka-* является местоименной приставкой, а основа связывается с **nura*, **nora* [ЭССЯ IX: 143 - 144]. Наличие префиксальных форм позволяет поставить в один ряд с вышеназванными и геотермин *ко(ка)нырка*. В этом случае термин может рассматриваться, во-первых, как перенесенный, который предположительно мог быть известен и в материнских говорах с реконструируемым значением «яма, ямка, родник»; во-вторых, как термин инновационного характера, созданный во вторичных говорах по моделям, действующим в первичных говорах.

Но в том и в другом случаях очевидно, что в новых условиях термин используется в другом значении: не только для обозначения речных ям, но и рек с ямами. На наличие «ямных рек» на сибирских территориях указывает С.П.Васильева, но в этих случаях, отмечает исследователь, речь идет не просто о признаке, свойстве самой реалии, но о ее обозначении в связи с рыбным промыслом, т.е. «ямная река» - река с ямами, в которых собирается рыба [Васильева 2005: 196]. Однако характер географических реалий, обозначаемых термином *конырка*, свидетельствует о том, что промыслового значения эти объекты не имели: длина *Коньрки*, извилистой мелкой реки с топкими берегами, едва достигает 19 км [Лезин 1995: 77]. Отметим также, что термин *конырка* ни на территории метрополии, ни во вторичных говорах в такой форме и с таким значением – «ямная река» - более нигде, судя по имеющимся источникам, не зафиксирован, хотя это и не исключает возможности его сохранения в качестве лексического архаизма (как и *пага*) на языковой периферии.

Если все же следовать исключительно славянской версии, то необходимо признать, что на тюменской территории реконструируемый термин *конырка*, во-первых, необоснованно расширяет свое значение по сравнению с урал. *конырка*, становясь обозначением реки; во-вторых, в дальнейшем получает несвойственную русской речи инициальную огласовку: *кынырка* < *ка(о)нырка*; в-третьих, русский термин активно

встраивается в топонимию и географическую терминологию тюркского населения региона, ср. название татарского городка *Кынырский* (1607 г.), татарской волости *Кынырской* (1600 г.) в документах, составленных Г.Ф.Миллером [ИС II: 231, 187]. Эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости поиска этимона на тюркской базе.

Х.Ч.Алишина связывает название *Кынырской волости* с персидским заимствованием *кэнар* «край, берег, сторона», мотивируя этимологию тем, что «волость была расположена в верховьях Туры у самого края Уральских гор» [Алишина I 1999: 69]. В этой связи укажем и ряд собственно тюрк. соответствий, ср. тур. *кенәр* «сторона, борт, берег, поле» [Будагов II 1871: 138], сарт. *кәнар* «сторона, берег, край, граница» [Радлов II 1889: 1074].

По данным Г.Ф.Миллера, в XVIII в. у *Кынырского* городка протекали две речки *Кынырки*, «которые обе впадают в Туру с северной стороны» [ИС 2000 II: 36]. Учитывая известный топонимический тезис о первичности гидронимного фонда, можно предположить, что мотивация названия городка, волости через значение «край, граница» является вторичной, обусловленной народноэтимологическими сближениями. В этом случае первичным становится речной топоним, который и требует этимологической интерпретации.

Этимологизация гидронима *Кынырка*, включающего тюрк. основу, оформленную рус. суффиксом, может быть осуществлена с привлечением общетюркских данных, ср., кроме приведенных выше, кар. *кыңыр*, ком. *кiңир* «кривой» [Радлов II 1889: 730, 1342], тоб. *кынырь* «искривленный» [Гиганов 1894: 214], тоб. *қыңыр* «кривой», *қыңыр йӧл* «крутая дорога» [Тумашева 1992: 140]. Географический фактор, учитывающий особенности реалии (извилистое русло рек), увеличивает верификационный потенциал тюркской версии, основанной на наиболее близком, тобольском, варианте – «искривленная, с искривленными берегами, извилистая речка».

Этимологическая интерпретация гидронимных фактов, формирующихся в зоне интенсивных языковых контактов, не может быть

проведена без учета обско-угорских данных, проявляющихся в тюркских говорах региона, как было показано выше, в качестве субстрата или адстрата. В этой связи интерес представляют данные хант. ирт. *конар*, *кӧнер* «бедный, жалкий» [Кастрен 1849: 102], которые сопоставляются с общеугорским фондом, ср. коми-зыр. *коньӧр* «бедный, бедняжка», откуда рус. диал. *конер*, *коныр* со смещением ударения на второй или третий слог, при этом возможно не только $\ddot{o} > e$, но и $\ddot{o} > ы$ [Сергеенко 1984: 102 - 103], ср. также вод. *кеӈур*, *кеӈур* «песчинка, мелкий песок, овсяная крупа» [Collinder 1955: 87]. Допустима, таким образом, и угор. версия *коныр-* < **konyr*, *keӈur* «мелкий, маленький». Такая версия не противоречит особенностям геореалии, кроме того, объясняет нарушение тюрк. сингармонизма в названии тат. волости: *Кынырская* // *Кинырская*. Слабая сторона угор. интерпретации проявляется в семантическом плане: значение «мелкий, маленький» для основы *каныр-* // *кыныр-* реконструировано, непосредственно в лексикографических источниках не засвидетельствовано.

Однако, будь то угорский или тюркский этимон, форма **konyr* / **kynur* впоследствии уже на базе русского языка претерпела ряд изменений – произошла или контоминация с реконструируемым рус. **конырка*, или народноэтимологическое сближение, хотя, впрочем, эти процессы в русских говорах могли проходить одновременно. Укажем, вслед за Т.Н.Дмитриевой, на рус. локализмы *нырка*, *нырок*, зафиксированные в рус. говорах на территории Тобольского, в тат. говорах – на территории Нижнетавдинского районов в значении «мелкая рыба, малек, маленький окунь»: рус. *нырка*, *нырок* < тат. *ңирги*, *нерке*, *нерге*, *нирга* «малек, молодь, рыба мелочь» (также тат. тюрм. *нерге* «малек, молодь», см. Тумашева 1992: 158). В результате народноэтимологических преобразований тюрк. слово под влиянием рус. «нырять», по мнению Т.Н.Дмитриевой, приобрело форму *нырка* [Дмитриева 1981: 80, Дмитриева 1985: 72]. Логика русско-тюркских сближений позволяет предположить наличие подобных процессов тюркско-угорского

характера, когда осуществлялось переосмысление угорского слова в тюркских говорах, позже – в русских.

Историко-диалектологический экскурс во второй и в третьей главах также преследует цель: выявить диалектную основу терминологической лексики, функционирующей в тюменских старожильческих говорах. Если исконный материал дает самый общий ответ о связях тюменской лексики с широким русским ареалом, то анализ заимствований (историко-диалектологический и этимологический) позволяет достоверно говорить о старожильческой терминологии как о севернорусской в своей основе.

Четвертая глава «Географическая терминология в языковом пограничье» посвящена вопросам синхронического контактирования. Горизонтальная стратификация ситуации языкового контакта, в отличие от предыдущей вертикальной, дает возможность выявить еще один тип ее манифестаций: пространство русских этнолектов, что позволяет проследить механизмы языкового контактирования, когда русский язык выступает не только в функции реципиента, но и донора.

Наблюдения за синхроническими процессами интегрирования и инкорпорирования, протекающими в условиях языкового пограничья, создают базу для исследования тенденций и направлений контактоиндуцированных сдвигов во взаимодействующих геосистемах.

Вычленение двух стратов – эндемического и экзонимического, - верифицированное в системе историко-диалектологического и этимологического анализа, позволяет поставить вопросы: 1) о способах интеграции двух указанных систем в рамках заимствующего языка; 2) о направлении интеграционных движений в системе диалектной географической терминологии. Решение вопросов лежит в плоскости наблюдаемых синхронических процессов, хотя результаты синхронического наблюдения могут быть экстраполированы и в диахронию.

Исследованию поставленных вопросов посвящен первый раздел четвертой главы **«Исконно русская и заимствованная географическая**

терминология тюменских старожильческих говоров: процессы интеграции». Как показали наблюдения, интегрирование иноязычной географической терминологии в систему исконно русской, сопровождающееся адаптацией слова по формальным и семантическим основаниям, осуществляется двумя способами: 1) включение отдельных элементов языка-донора в принимающий язык и 2) перенесение правил их функционирования в язык-реципиент. Первый способ соотносится с заимствованием, второй – с трансференцией. При заимствовании изменения касаются иноязычного слова (или группы слов), попадающего в чужую языковую среду. Встраиваясь в эндогlossную систему языка-реципиента, заимствование оказывается втянутым в новые системные отношения, которые собственно и обуславливают судьбу слова в заимствующем языке. При трансференции изменения охватывают область системных отношений заимствующего языка, при этом степень трансферентного воздействия напрямую связана с интенсивностью языкового контактирования: чем больше число заимствований, тем более выражены трансферентные проявления в языке-реципиенте.

Адаптационные изменения в области формальных признаков тюменской экзогlossной геотерминологии - фонетических, морфологических, словообразовательных – неоднократно становились предметом изучения сибирских диалектологов и топонимистов, хотя всестороннего освещения все еще не получили. Многочисленные исследования, проводимые в области севернорусской геотерминологии и топонимии, показали, что основным средством интегрирования заимствованного географического термина в исконную систему становится суффиксация. Именно суффикс, подчеркивает И.И.Муллонен, и является тем механизмом, который «применяется как некий адаптор», вводящий иноязычное слово в систему однотипных исконных [Муллонен 2000: 14]. Говоря о фонетической и морфологической адаптации слова, следует иметь в виду его широкое варьирование, источник которого можно усматривать в

различных языковых предпочтениях, в ориентации не только на внутренний (язык-реципиент), но и на внешний (язык-донор) источник.

Наблюдения показывают, что тюменские геотерминологические заимствования как нельзя более отчетливо отражают общерусские тенденции в словообразовании, которые проявляются в том, что адапторами становятся продуктивные и высокочастотные языковые средства, встраивающие иноязычное слово в класс исконных. Отметим, вслед за В.Г.Демьяновым, изучающим фонетико-грамматические процессы укоренения иноязычных слов в русском языке X – XVII вв., что и региональные заимствования XVII – XVIII вв. попадают в ту сферу функционирования языка, которая отражает наиболее продуктивные явления, происходящие в нем, и тем самым по грамматическому оформлению заимствования можно судить о степени продуктивности грамматических явлений в словах исконного происхождения [Демьянов 2001: 7]. Заимствования, таким образом, могут являться источником ценнейших сведений не только для исторической контактологии, но и для исторической грамматики русского языка.

Интегрирование иноязычного слова в систему исконной лексики происходит не только на фонетико-грамматическом уровне, но и на семантическом. Семантическая адаптация предстает как важнейший этап в укоренении слова, именно в этот период, считает Л.П.Крысин, слово теряет сопроводительные «иноязычные» комментарии и начинает осознаваться в ряду исконных. Значение иноязычного слова в заимствующем языке переживает свою эволюцию, в ходе которой и осуществляется его дальнейшая интеграция в исконную семантическую систему.

Укоренение слова неизбежно сопровождается преобразованиями его формальной стороны. В свою очередь, фонетико-грамматические модификации слов-заимствований служат базой для их ассоциативных сближений по формальным признакам с исконными словами, что в дальнейшем приводит к развитию омонимических отношений между «своими» и «чужими» географическими терминами. В этом случае, как

правило, движение семантики идет в направлении исконного слова, вбирающего в себя значение заимствования. Примером такого сближения в наших материалах служит геотермин *култубажина*, включающий значения рус. *колдобина* и тюрк. *култук*. Данный случай можно рассматривать как контаминацию близких по звучанию татарского и русского слов, приводящую к возникновению единицы с новым семантическим наполнением.

Дальнейшее нарастание группы заимствований начинает оказывать давление на сложившуюся систему фонетико-грамматических, лексико-семантических отношений языка-рецептора. В системе тюменской геотерминологии трансферентные явления отчетливо проявляются на фонетическом уровне, когда речевые отклонения входят в компетенцию всех членов коммуникативной группы.

Возникновение трансференции как раз и объясняется наличием этого фактора. Трансференция, понимаемая как перенесение правил функционирования лексем из языка-донора в язык-реципиент, возникает в результате языкового смешения (по субстратному типу). В этом случае язык пришельцев впитывает «правила» из языка местного населения, которые в дальнейшем могут становиться источником реорганизации его исконной подсистемы. При таких условиях, отмечает А.Е.Карлинский вслед за Э.Виндишу, «не изучаемый чужой язык, а родной язык народа становится смешанным под влиянием чужого языка» [Карлинский 1990: 141].

В изучении процессов языкового взаимодействия, в частности, в изучении семантических сближений, большое значение имеет вопрос о направлении интеграционных движений в системе диалектной географической терминологии, о направлении встраивания заимствований в систему диалектной географической терминологии. При решении данного вопроса необходимо провести сопоставление идеографических систем исконно русской и заимствованной геотерминологии, функционирующих в условиях конкретного региона. В свою очередь сопоставительный анализ

позволит сделать выводы о характере идеографических классов исконно русской терминологии как зонах открытых или закрытых для вхождения иноязычных слов.

Сопоставление исконно русской и заимствованной геотерминологии, функционирующей в старожильческих говорах Тюменской области, выявило определенные закономерности идеографического плана (ср. идеографические таблицы, представленные во второй и третьей главах настоящего исследования). Анализ показывает, что в составе исконной более отчетливо свидетельствуется антропогенный фактор, связанный с хозяйственной деятельностью человека: номинируются реалии, удобные для сенокоса, полевых работ, выпаса скота, рыбной ловли и т.д. Особенно ярко это проявляется в номинации дорог, где используются новые квазизаимствования, новые «культурные слова», отражающие уровень развития техники и производства в тот или иной период (*асфальт, визирка, профиль, шоссе* и т.д.).

В заимствованиях антропоцентрические установки проявляются в системе скрытых классификаторов «хороший – плохой», «освоенный – неосвоенный», «свой – чужой», при этом маркируются, как правило, отрицательные – «чужие, чуждые» - свойства объекта. Наглядно это демонстрируется в «лесной» и «болотной» терминологии. Так, в исконной маркируются скорее «хорошие места», например, высокие, сухие участки, а также места, поросшие ягодными растениями, в заимствованной – «плохие места», труднопроходимые, глухие. Только в составе «лесных заимствований» появляются специфические значения «плохого леса»: «редкий лес с искривленными, сучковатыми деревьями», «лес со слабой, хрупкой, ломкой древесиной».

Второй раздел четвертой главы - **«Географическая терминология тюменских этнолектов: процессы инкорпорирования»**. «Русский ракурс» изучения регионального материала высвечивает различные функциональные сферы языкового взаимодействия. Исследование лексики, функционирующей

в зоне языкового пограничья, требует ее рассмотрения не только с позиций монолингвов, носителей языка, но и с позиций билингвов, пользователей языка. В этой связи изучение тюменской геотерминологии должно учитывать: а) аспекты сближения русской и нерусской геосистем в русской речи татар и хантов; б) аспекты сближения русской и нерусской геосистем в татарской и хантыйской речи татар и хантов. С позиций социолингвистики следует говорить об изучении географических терминов, во-первых, в системе русских этнолектов - русской речи татар (РРТ) и русской речи хантов (РРХ); во-вторых, в системе этнодиалектов автохтонов – татарского (в татарской речи татар – ТРТ) и хантыйского (в хантыйской речи хантов - ХРХ).

Целью настоящего раздела и является исследование в системе «географических слов» процессов инкорпорирования, проявляющихся: а) через интерференцию в русских этнолектах тюменского региона – в РРТ и РРХ; б) через интеркаляцию в говорах тоболо-иртышских (тобольских) татар и южных (иртышских) хантов – в ТРТ и ХРХ.

Русский этнолект Тюменской области, как показали исследования, ограничивается русской речью татар и хантов. Однако возможности наблюдения за процессами инкорпорирования в системе тюменского (русского) этнолекта различны: если РРТ можно непосредственно наблюдать в полевых условиях, изучать по архивным, письменным материалам, то о РРХ (иртышских, демьянских хантов) в настоящее время можно судить, и то лишь косвенно, по немногочисленным сохранившимся письменным источникам XIX в.

В историко-контактологическом отношении особую значимость приобретает описание взаимодействующих диалектов не только с позиций монолингва, носителя языка, но и с позиций билингва, пользователя языка. Именно в речи билингва, в поле интерференции, происходят те изменения, которые потом приобретают языковой статус в результате транспортировки в направлении двух языков – донора и реципиента. Исследование

синхронического среза интерферентных явлений, развивающихся в тюменской географической терминологии, должно быть в этой связи проведено в плане учета двух его составляющих систем – «своей» и «чужой», функционирующих в русской речи двуязычного населения.

При изучении этнолектов исследователи обращают внимание на то, что они представляет собой речевое явление диффузного характера. Как показывают наблюдения, диапазон стадийного развития этнолекта настолько широк, что, по сути, представляет собой эволютивный процесс: движение от родного языка к неродному. В этой связи закономерно считать этнолект промежуточной формой между родным и неродным языком.

В отношении конкретной тематической (идеографической) группы выстраивается следующая схема: диапазон русского «географического этнолекта» (в РРТ) простирается от преобладания «географических тюркизмов» – к преобладанию «географических русизмов». Развитие русского «географического этнолекта» в РРТ, таким образом, происходит за счет постепенного сокращения тюркизмов и нарастания русизмов. Судя по историческим данным, аналогичные процессы наблюдались и в РРХ.

В этом случае логично говорить о процессе инкорпорирования, встраивания, сопровождающегося интерференцией: элементы неродного (для билингва) языка инкорпорируются в систему родного и наоборот – элементы родного языка встраиваются в систему неродного. В отношении современного русского «географического этнолекта», таким образом, инкорпорирование понимается как процесс встраивания и объединения на базе русского языка в единое целое генетически разнородных элементов, не связанных или функционально слабо связанных между собой.

Как показывают наблюдения, инкорпорирование - импортирование «чужой» лексики в «свою» систему - проходит две фазы: сначала в русском этнолекте в процессе лексической интерференции; затем в тюркских говорах в процессе интеркаляции. Заметим, что стадия заимствования осуществляется на другом уровне: не на речевом, а на языковом. В этой связи

собственно заимствование – это явление, скорее, диахронического характера, в то время как инкорпорирование – синхронического.

Сопоставление народных географических терминов, функционирующих в пространстве русского этнолекта с аналогичными, функционирующими в пространстве русских говоров региона, показывает, что в новых условиях (в РРТ и РРХ) количество таких слов и их семантический спектр резко сужается. По сути, русские географические термины функционируют в одном, основном значении, сближающимся с общенародным, литературным.

Проявление интерференции на лексическом уровне имеет свои особенности. При интерференции лексических явлений, отмечают исследователи, возникает неосознанное стремление к игнорированию фактов родного языка и незакономерному включению в речь лексем вторичного языка. Интересно в этой связи замечание информантов-татар: *У нас смесь началась, все по-русски говорим* (Аромашевский район, д. Интэр).

Материалы полевых наблюдений свидетельствуют о том, что интеркаляционные процессы активно проявляются в живой речи татар-билингвов. Этот процесс присущ не только географической терминологии, но и топонимии, где регулярны гетерогенные конструкции. Например: *Молодежной урам* «Молодежная улица», *Зур поляна* «Большая поляна», *Мирон сазы* «Мироново болото», *Школьной кул* «Школьное озеро», *Новокул* «Новое озеро» и др. Ср. также употребление геотерминов в тюркских говорах региона, например, рус. «*старица*» ~ тат. *Старицата пултым, па^олык ошлатым*. «Был на старице, рыбу ловил»; рус. «*болото*» ~ тат. *Бы болотадан утеш булмас* «Через это болото не пройти».

Эволютивный подход к рассмотрению языкового взаимодействия в области географической терминологии неизбежно вводит исследование в круг общезыковых проблем дивергентно-конвергентного характера. И в этой связи закономерен последний раздел работы «**К проблеме**

формирования общего геотерминологического фонда: процессы интернизации в языковом пространстве тюменского региона».

В тюменской географической терминологии, как показали историко-контактологические исследования, дивергенция нарастала в период первоначального русского заселения, когда, в условиях бездорожья и сплошной заболоченности, компактные группы севернорусов оказывались территориально изолированными. В этих случаях и возникала ситуация, при которой было возможно складывание говоров островного типа, поэтому дивергентные процессы усиливались, что вело к созданию русских локальных геотерминологических микрофондов, в которых развивались инновационные процессы на базе исконной и заимствованной лексики.

Нельзя не учитывать того, что русские говоры первоначального периода находились в постоянном иноязычном окружении, поэтому внутри локальных образований одновременно шли и конвергентные процессы. Речь идет о маргинальных взаимодействиях обско-угорских, тюркских, русских говоров и их геотерминологических подсистем. В такой ситуации исследователи говорят о конвергентных процессах, в частности о формировании общих лексических фондов (микрофондов).

К проблемам формирования общего лексического фонда в условиях интенсивного лингвоэтнического взаимодействия южных угров и западносибирских татар обращалась Т.Н.Дмитриева, исследуя этимологические аспекты интерпретации лексических заимствований в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша. Именно этим – унификацией специфических черт в рамках объединенного лексического континуума - и объясняются трудности «разделения обско-угорских (хантыйских) и тюркских (сибирско-татарских) заимствований» [Дмитриева 1981: 15]. В дорусский период, в условиях интенсивного обско-угорского-тюркского языкового взаимодействия, мог создаваться «общий тюркско-угорский лексический фонд, в который вошли наиболее употребительные слова, связанные с хозяйством и бытом обско-угорского и

тюркского населения края, с промыслами и ремеслами» [Дмитриева 1981: 14].

С приходом русских стали нарастать процессы конвергенции в рамках регионального лексического (терминологического) фонда. Последовавшие за этим процессы интернизации способствовали тому, что лингвоэтническая идентификация геотерминов могла осуществляться на базе как угорских, так и тюркских диалектов. Например, ряд русских (по функциональному статусу) географических терминов с высокой степенью достоверности интерпретируется и на базе обско-угорских, и на базе тюркских языков. Речь идет о терминах *коньрка*, *калымья*, *начибей*, *сор* и др.

Взаимосвязанность конвергентно-дивергентных процессов на современном этапе проявляется в функциональной дифференциации языков (их геотерминологических подсистем), участвующих в контакте. В этом случае по отношению к языкам «меньшинства» и языкам «большинства» исследователи говорят о функциональной диглоссии, поскольку более престижный язык получает статус не только наддиалектного, но и надэтнического. В билингвальном социуме язык «большинства» (в том числе и в его этнолектной форме) становится, таким образом, коммуникативным средством, которое используется в «высших сферах», в то время как использование родного языка «меньшинства» все более ограничивается бытовой сферой. Такое положение переводит ситуацию экзоглоссии в ситуацию эндоглоссии, или функциональной диглоссии.

В настоящее время в ситуации функциональной диглоссии, когда для билингвального тюркского «меньшинства» первичный и вторичный языки выступают в отношении дополнительной дистрибуции, геотерминологический интерфонд создается на базе общенародного русского языка. Общими для русских и татарских говоров региона становятся исконно русские (в том числе унаследованные древнейшие и новые квазизаимствования) термины, обладающие более широким, по сравнению с диалектным, значением. Такие термины фиксируются не только в

пространстве русских говоров, но и в русском этнолекте, в зоне татарско-русской интерференции и интеркаляции: *асфальт, болото, дорога, дубрава, кедрач, лес, мох, няша, озеро, поле, река, ручей, рям, согра, старица* и др.

Географическая терминология как манифестант региональной ситуации языкового контакта закономерно отражает весь диапазон дивергентно-конвергентных изменений, присущих тому или иному языковому континууму. В этой связи очевидно, что унифицирующее воздействие геотерминологической системы русского общенародного, литературного языка проявилось и в условиях тюменского региона. Все это способствовало нарастанию конвергентных процессов не только в русских говорах региона, но и в русских этнолектах. В свою очередь, русская речь нерусских становилась каналом трансляции тех элементов, которые в дальнейшем способствовали развитию общих свойств контактирующих геотерминологических систем – русской, татарской, хантыйской. Результатом парадигматических трансформаций становится нарастание общих явлений, лексических дублетов, обусловленных длительным этапом языкового взаимодействия.

С историко-контактологической точки зрения проблема заключается в том, что знание и русскими, и татарами общерегионального геотерминологического фонда, как и его совместное использование, еще не свидетельствует о языковых слияниях и языковых смешениях. Несмотря на общие конвергентные процессы в сближении национальных (этнических) геотерминологических фондов тюменского региона, продолжают действовать и дивергентные процессы. В этой связи тюменское языковое пограничье можно охарактеризовать как состояние антиномии, как биполярное пространство, где действуют разнонаправленные тенденции дивергентно-конвергентного характера. В современных условиях и русский, и тюркский геофонды, несмотря на активные процессы сближения, развиваются как относительно изолированные, эндемические, системы, не

испытывающие серьезного воздействия на свои ядерные, «коренные», системы со стороны ареально софункционирующих языков.

В **Заключении** формулируются основные выводы. Историко-контактологический анализ региональной ситуации языкового контакта сквозь призму русской географической терминологии позволил увидеть весьма сложную картину этноязыковых взаимодействий, верификация которых осуществляется на основе интегративных методик исследования диалектного материала, включающих идеографический комментарий, историко-диалектологический экскурс, этимологический анализ, социолингвистические аспекты изучения языкового пограничья.

Основное содержание диссертации изложено в публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Лабунец Н.В. Словарь народных географических терминов юга Тюменской области: источниковедческий аспект // Известия Урал. гос. ун-та, 2001. - № 20. Гуманитарные науки. - Вып. 4. - История. Филология. Искусствоведение. - С. 183 – 189.
2. Лабунец Н.В. Лексика сибирской природы в лингвоэтнической реконструкции // Вестник Тюмен. гос. ун-та, 2005. - № 2. - С. 228 – 236.
3. Лабунец Н.В. К вопросу о контактологической стратификации заимствований в составе географической терминологии // Вестник Тюмен. гос. ун-та, 2005.- № 7. - С. 106 – 111.

Монографии

4. Лабунец Н.В. Словарь народных географических терминов Тюменской области / Под ред. А.К.Матвеева. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2003. - 208 с.: ил. (13,0 п.л).
5. Лабунец Н.В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. – 180 с. (14,7 п.л.).

Публикации в других изданиях

6. Лабунец (Хромова) Н.В. Географические апеллятивы в говорах Сладковского района Тюменской области // Русские говоры Западной Сибири. - Тюмень: Тюмен. ун-т, 1982. - С. 71 – 74.
7. Лабунец (Хромова) Н.В. Тельмографическая лексика в топонимии бассейна реки Вагай // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1985. - С. 84 – 88.
8. Лабунец (Хромова) Н.В. Обско-угорские элементы в топонимии бассейна реки Вагай // Региональные особенности структуры и семантики языковых единиц. - Тюмень: Тюмен. ун-т, 1989. - С. 96 – 106.
9. Лабунец Н.В. Отражение древнейших тюркско-угорских контактов в топонимии юга Тюменской области // Роль культурного пространства в становлении Российской государственности в Сибири / Тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции - Тюмень: Тюмен. ун-т, 1994. - С. 99 – 103.
10. Лабунец Н.В. Топонимические данные и былое расселение южных угров // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения – 95». - Тюмень: Тюмен. ун-т, 1996. - С. 112 – 113.
11. Лабунец Н.В. О былом расселении южных угров по данным гидронимии // Ежегодник областного краеведческого музея. 1995. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1998. - С. 84 – 89.
12. Лабунец Н.В. Географические термины как свидетельство миграции древних угров // Космос Севера. - Вып. 2. - Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2000. - С. 158 – 169.
13. Лабунец Н.В. Национально-культурная специфика языка как объект лингвистического изучения // Формирование коммуникативной иноязычной компетенции в свете социального заказа / Тезисы международной конференции. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2001. - С. 90 – 91
14. Лабунец Н.В. Проблема идентификации обско-угорского субстрата в русских говорах Западной Сибири // Реальность этноса. Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование / Материалы докладов Международной научно-практической конференции. - СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. - С. 325 – 330.

15. Лабунец Н.В. Этнокультурный потенциал географической лексики русских говоров юга Тюменской области // Славянские духовные ценности на рубеже веков. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2001. - С. 158 – 164.
16. Лабунец Н.В. Географическая лексика в аспекте историко-лексикологических исследований // Виноградовские чтения. Материалы межвузовской научной конференции. - Тобольск, 2001. - С. 118 – 119.
17. Лабунец Н.В. Internet-ресурсы в лексикографической практике // Информационные технологии в образовательном пространстве высшей школы: Материалы научно-методического семинара. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2002. - С. 175 – 180.
18. Лабунец Н.В. Заимствование и субстрат как результат межэтнической коммуникации // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – СПб.: РГПУ: Астерион, 2002. - С. 124 – 127.
19. Лабунец Н.В. Национально-культурная обусловленность диалектного слова // Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языке. - Ч.2. - Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2002. - С. 156 – 158.
20. Лабунец Н.В. Обско-угорские заимствования в географической терминологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области // Космос Севера / Сб. статей. - Вып. 3. - Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2002. - С. 160 – 171.
21. Лабунец Н.В. Заимствования в географической лексике и топонимии юга Тюменской области // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. -С. 68 – 70.
22. Лабунец Н.В. Географическая лексика в диалектном терминологическом словаре // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири. Материалы 25 юбилейной международной конференции. - Ч.1. - - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2002. - С. 217 – 223.
23. Лабунец Н.В. Топонимия и этнофилологические аспекты образования // Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования. Материалы V Международной научно-практической конференции. – СПб.: РГПУ: Астерион, 2003. - С. 414 – 417
24. Лабунец Н.В. Диалектный словарь в пространстве современной региональной культуры // Филологический дискурс. - Вып. III. Филологические прогулки по современности. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2003. - С. 48 – 54.

25. Лабунец Н.В. Национально-региональный компонент лингвистического образования в поликультурном пространстве региона // История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной году Украины в России. - Тюмень: Изд-во Вектор Бук, 2003. - С. 63 – 71.
26. Лабунец Н.В. Субстрат и квазисубстрат в топонимии юга Тюменской области // Словцовские чтения – 2003: Материалы докладов и сообщений XV Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2003. - С. 138 – 140.
27. Лабунец Н.В. Язык и северная идентичность // Россия и Запад: диалог культур. 10 Юбилейная Международная конференция. К 250-летию МГУ им. М.В.Ломоносова. Тезисы. М.: МГУ. Факультет иностранных языков, 2003.- С. 54 – 55
28. Лабунец Н.В. Взаимодействие языков в географической лексике юга Тюменской области // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции. - Москва: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2004. - С. 91 – 92.
29. Лабунец Н.В. Национально-культурный потенциал диалектного слова // Реальность этноса. Образование и национальная идея. Материалы VI Международной конференции. - СПб. РГПУ: Изд-во Астерион, 2004. - С. 219 – 223.
30. Лабунец Н.В. Истоки тюменской геонимии // XVI Словцовские чтения. Материалы XVI Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. - Ч.1. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2004. - С. 92 – 94.
31. Лабунец Н.В. Тюркизмы в русской географической терминологии Нижнего Прииртышья // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. Труды и материалы. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. - С. 146 – 148.
32. Лабунец Н.В. Народная географическая терминология юга Тюменской области в лексикографическом освещении // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». - Тобольск, 2004. - С. 375 – 379.
33. Лабунец Н.В. Этнорегиональный аспект лингвистического образования // Изучение родного языка в полиэтнической Тюменской области. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2004. - С. 132 – 140.
34. Лабунец Н.В. Лексические архаизмы в старожильческих говорах Тюменской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов

Международной конференции. – М.: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2006. – С. 115 – 117.

35. Лабунец Н.В. Географическая лексика в ситуации языкового контакта // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте: Тезисы докладов международной научной конференции. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – С. 115 – 117.

36. Лабунец Н.В. Национальная специфика географической лексики // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 92 – 96.

37. Лабунец Н.В. Топонимическая лексика в описаниях «Сибирского царства» Г.Ф.Миллера // «Aus Sibirien»: научно-информационный сборник. – Тюмень: Экспресс, 2005. – С. 84 – 86.

38. Лабунец Н.В. Заимствования в семантическом пространстве русской географической терминологии // Русский язык и методика его преподавания: Традиции и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. 2. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. – С. 65 – 68.

39. Лабунец Н.В. Финно-угро-самодийские заимствования в старожильческих говорах Тюменской области // Пространство слова: Сборник статей, посвященный 75-летию М.А.Романовой. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. – С. 50 – 61.